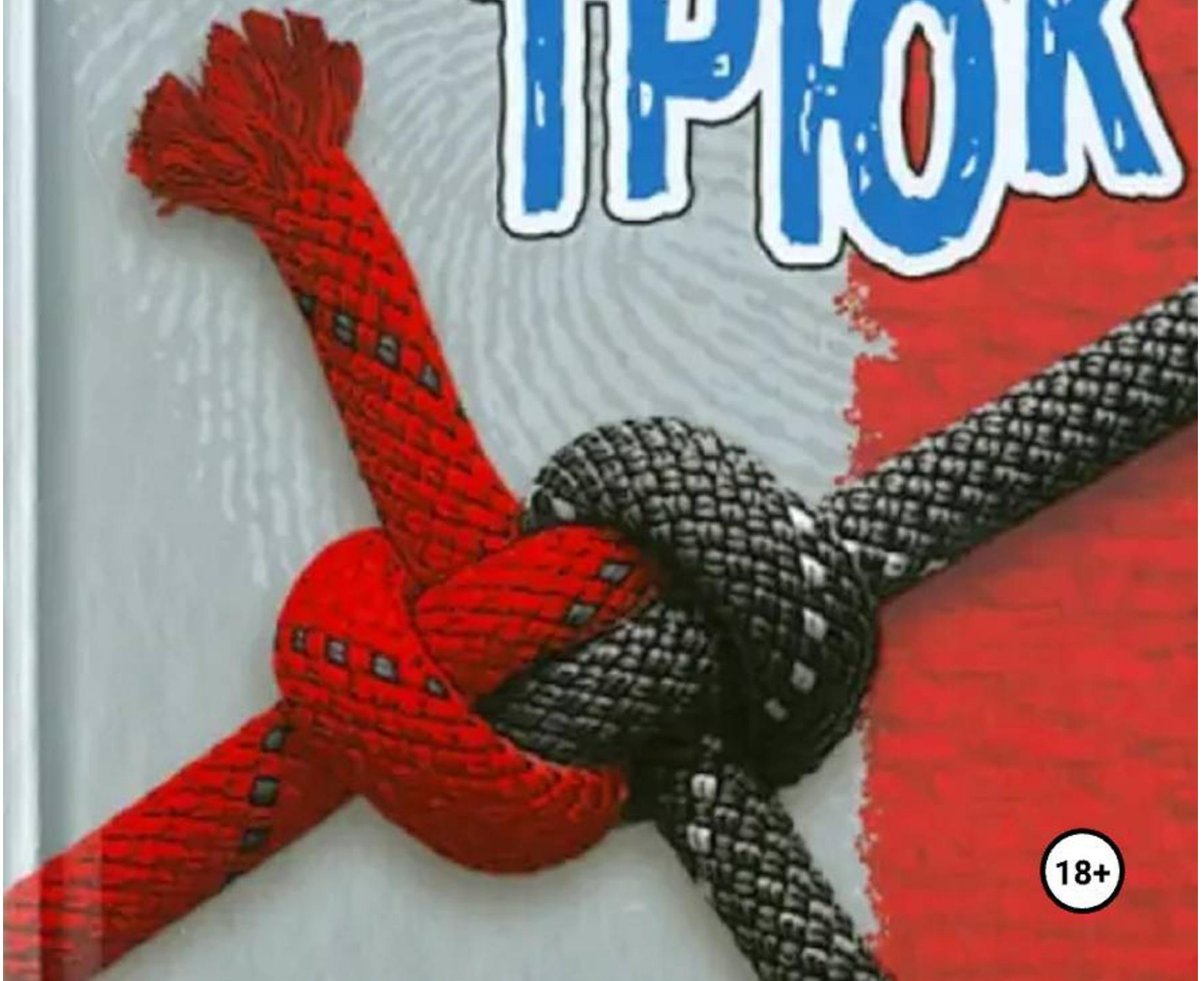
Игорь Воронов

Выстрел

ПОСЛЕДНИЙ ТРЮК

18+

Игорь Воронов

последний трюк

«Автор»
2026

Воронов И.

последний трюк / И. Воронов — «Автор», 2026

Случай связывает судьбы четырех совершенно разных людей в один смертельный узел. Двое друзей из силового ведомства, профессиональный каскадер и молодая вдова — на первый взгляд, между ними нет ничего общего. Но всех их объединяет леденящий душу страх.Здесь каждый — и хищник, и жертва. Здесь любовь граничит с предательством, а цена ошибки — жизнь. Правила игры диктует невидимый кукловод, но у каждого еще остается шанс на спасение. Главное — успеть вычислить врага...

© Воронов И., 2026
© Автор, 2026

Игорь Воронов
последний трюк

Глава 1

ПОСЛЕДНИЙ ТРЮК

Жизнь вовсе не имеет смысла.

...И если жизнь бессмысленна, мир уже не кажется таким жестоким. Неважно, совершил ли что-нибудь тот или иной человек или ничего не смог совершить. Неудача ничего не меняет, а успех равен нулю.

Уильям Сомерсет Моэм

Пролог

В небольшой накуренной комнате, единственное окно которой было плотно занавешено темно-бордовой портьерой, находилось четверо человек.

Тусклый свет, струившийся из лампы, висевшей на спиральном гибком шнуре, причудливо освещал напряженные лица людей. Лампа была притянута почти к поверхности дубового стола, за которым восседали трое мужчин; двоим было под тридцать пять, третий выглядел на семь-восемь лет моложе; четвертый человек стоял у окна, приткнувшись плечом к стене, и задумчиво курил — то была симпатичная молодая женщина лет тридцати.

— У нас проблемы, — проговорил сидевший во главе стола и выразительно посмотрел на мужчин, расположившихся напротив. На девушку он даже не взглянул.

Никто не произнес ни слова в ответ, словно каждый понимал очевидность сказанного.

— Сбор информации — это ведь твоя задача?— Указательный палец говорящего застыл в воздухе, будто взяв под прицел одного из собеседников.

Под этим указующим перстом человек почувствовал себя неуютно, заерзал в кресле и поспешил оправдаться:

— Моей вины здесь нет.

— Вот как?.. — Оппонент явно был другого мнения.

— Информация была собрана как полагается. А то, что клиент оказался... — человек запнулся и недовольно замотал головой, — этого мы могли бы не узнать даже сейчас. Когда все завершилось. Уж поверьте мне.

— Нам не нужно знать, когда все завершилось. Нам нужно знать, когда мы только начинаем.

— Мы знали о клиенте все. Или почти все.

— Вот именно. — Начавший беседу оживился. — Почти все. А теперь нам приходится срочно сворачиваться.

— Клиент вел двойную жизнь, — не сдавался собеседник. — О его второй, глубоко скрытой жизни мы узнали лишь по чистой случайности.

— Когда все закончилось.

— Когда все закончилось, — согласилась оправдывающаяся сторона.

— Кстати, а что с клиентом?

— Он застрелился.

— Неплохое разрешение ситуации. Но не для нас.

— Да. Смерть такого человека, даже если он сам ушел в мир иной, не оставляют без последствий.

— Именно поэтому я еще раз повторяю: информация в нашем деле — едва ли не главное.

— Здесь не о чем спорить, — неожиданно резко прозвучал голос девушки. Она оторвалась от стены, подошла к столу, затушила окурок в пепельнице и обвела всех сидящих твердым взглядом. — В сложившейся ситуации мы все виноваты. Об этом нужно было подумать заранее. Данный фактор мы упустили из вида. Мы все.

— Все было проделано на высочайшем уровне. — Защищающаяся сторона несколько приободрилась, получив поддержку. — Как, впрочем, и раньше. Нас здесь не в чем упрекнуть. Если бы не маленькая неувязка...

— Неувязка! — Начавший беседу скривил уголки губ. — Из-за этой неувязки нам придется покинуть город.

— А разве где-то еще мы не сможем продолжить начатое? — Провинившийся собеседник непринужденно пожал плечами.

— Мы ведь в самом начале так и планировали: не будем слишком долго задерживаться в одном месте, — с нравоучительными нотками в голосе промолвила девушка. — Поэтому я согласна. Настало время убраться из этого города. Но...

— И что же «но»? — «Обвинитель» сощурил глаза.

— У меня на примете есть новый клиент, — растягивая слова, произнесла девушка.

— А как же с тем, чтоб убраться?

— Мы могли бы провернуть все в ускоренном варианте. Такого клиента не хотелось бы упускать,

— Он стоит того, чтобы рисковать? — «Обвинитель» подался вперед.

— Этот стоит всех наших предыдущих клиентов, вместе взятых.

— Информация верная?

— Ну, информацией заниматься будет он. — Девушка кивнула в сторону мужчины, который до этого оправдывался. — Это его работа.

— Но на этот раз мы должны предусмотреть все. Исключительно все. И провернуть дело в жестком режиме. Мы и так рискуем, оставаясь тут.

Ответом ему было молчание.

— У меня есть идея, — нарушил установившуюся тишину мужчина, до этого державший рот на замке.

Три пары глаз уставились на заговорившего.

Глава первая
1. БАРАН

Как вам моя фамилия? Что, вызывает усмешку? Ничего, если бы вы со мной встретились, улыбаться вам пришлось бы недолго; я загнал бы вашу ухмылку туда, где она родилась, — глубоко в ваше дрянное нутро. Сомневаетесь? Не советую. Свои кулаки я набил с раннего детства. Помню, как еще в школе, когда приходил новый учитель и начинал знакомиться с учениками по классному журналу, все с замиранием сердца затихали, когда подходила очередь произносить мою фамилию. А затем дружный гогот оглашал стены класса. Учитель краснел, а я стискивал зубы и отмечал про себя, кому особенно весело, чтобы затем на перемене самому повеселиться. И мне было плевать, что кто-то был выше меня или шире в плечах. Во мне было столько злости, что я как танк готов был смести на своем пути любого. Хотите небось знать, почему класс гоготал? Дескать, что ж тут такого, что произносят фамилию? У каждого она своя, и никто не виноват, что ты родился именно с такой. Вот в том-то и дело, что я родился не с такой, как любили ее произносить по незнанию новые преподаватели и отдельные умники,

которые еще не испытали на себе силу моих кулаков. Моя фамилия читается с ударением на первом слоге: Ба-ран. Но кто будет ставить ударение в документе или в классном журнале? Не ставят. А читают как самим видится.

Конечно, сейчас, когда тебе уже за тридцатник, детские горести кажутся несерьезными, но именно с той поры у меня закрепились в душе злость, жестокость и ненависть. И с годами я не стал добрее и мягче. Я и теперь такой, только повзрослел. И набрался сил.

Там, где я работаю, над моей фамилией не смеются. У нас вообще мало смеются. Хотите знать, где я работаю? Я опер-уполномоченный главка уголовного розыска. Здорово, да? Надеюсь, теперь усмехаться не очень хочется, а?

В органах я уже больше десяти лет. Начинал участковым. Получив квартиру, быстренько перевелся в «уголовку», закончил академию и перешел в главк. Карьера не скажу что уж ахти какая, но я не жалуюсь. Жена, ребенок, дом — что еще надо? И деньги имеются. Хотите знать, откуда? Да пожалуйста. Кстати, вот и сейчас я со своим старым другом нахожусь у черта на куличках, на задворках столицы, в полвторого ночи, чтобы получить именно эти самые презренные денежные купюры. Мой друг тоже опер. Мы служим. Но сейчас, здесь, мы находимся не по долгу службы. Сейчас мы работаем на себя. Фамилия у моего товарища Соколов. Звучит, да? Не то что моя. Мы дружим уже лет десять. Баран и Сокол. Как вам спайка? Обхохочешься.

Познакомились мы в «уголовке», затем вместе кончали академию и, наконец, вместе пришли в главк. Но именно с «уголовки» все и началось. Хотите знать, что? Ну, вроде я уже согласился на доверительную беседу.

Это произошло, когда мы только познакомились и вдвоем гонялись за маньяком, который насиловал малолетних девочек. И мы его отыскали. Накрыли тепленьким в лесу. Он, стервоза, уже успел раздеть и положить на свою куртку, лицом к земле, семилетнюю девчушку — собирался заняться своими извращениями, паскуда. До сих пор помню это колотящееся маленькое тельце, пронизанное насквозь страхом и холодом, — была ранняя весна. А этому ублюдку хоть бы что. Пот катился с него ручьем — разогрелся от одной только мысли, что сейчас сотворит. Он так был поглощен своим скотским занятием, что даже не сразу обнаружил наше присутствие. А когда все же учуял что-то подозрительное, уже поздно было. Для него все было кончено. Мой дружок, Соколов, сразу же саданул ему между ног, у меня тогда возникло ощущение, что Соколов хочет выбить его детородный орган через зад. Этот урод завыл, заюлил, катаясь по земле и держась руками за «раненое» место. А Соколов невозмутимо достал наручники и наклонился к нему со словами:

— Ну что, сука, дошоркался? Теперь твою жопу в камере обтачивать будут.

Он вывернул ему руки и нацепил на запястья браслеты, а затем еще раз саданул ногой, но уже по печени. Не любил почему-то Соколов повторяться.

А я тем временем занялся девочкой, накрыл ее курткой этого урода, согрел, а затем уже помог одеться и успокаивающе произнес:

— Мы из милиции, детка, не плачь. Сейчас мы отвезем тебя домой.

Тут и извращенец наш пришел в себя, перестал дергаться, даже подняться попытался, но со скрепленными за спиной руками у него это не очень получалось. Соколов схватил его за шиворот, поставил на ноги, а тот нет чтобы спасибо сказать, начал вдруг рычать обиженно. Ну не урод ли?

— Вам хана, менты поганые. Знаете, кто мой папа? Он в области — главный. Понятно? На коленях еще ко мне приползете и будете прощения просить, твари легавые.

Вообще-то не нужно было ему этого говорить. Соколов как-то вмиг помрачнел. Я тоже. Что-то невесело нам стало обоим. И как-то скучновато. Испортила нам подлая тварь настроение — и все тут. Соколов полазил по карманам этого ублюдка, нашел документы, прочел фамилию и стал совсем серым, что та грозовая туча. Я понял, что мерзавец наш на самом деле тот, за кого себя выдает. Папаша как пить дать выручит своего больного недоумка.

— Ну-ка проводи девочку к машине, — грозно бросил тогда Соколов в мою сторону.

Я понял, что он задумал. И, честно говоря, на душе у меня стало легко.

Я посадил малышку в «уазик», который мы оставили на обочине дороги, недалеко от «Жигулей», на которых приехал сюда наш насильник. Ишь, сука, даже особо не скрывался. Верил в свою неприкосновенность.

Оставив девочку в нашей машине, я вернулся назад.

К этому времени Соколов снял наручники с маньяка и положил их себе в карман.

А довольный ублюдок стал поглаживать свои запястья, считая, что запугал нас своей родословной.

— То-то же, — многозначительно проговорил он.

Это были его последние слова.

Соколов неторопливо достал пистолет и направил его на ублюдка. У того глаза едва не выскочили из орбит и не зависли возле носа. Штаны между ног покрылись темными пятнами — наш паскудник уписался, думаю, что и сзади он успел в штаны наложить.

— Надеюсь, тебе и в аду будет так же весело, как сейчас, — произнес Соколов и нажал на курок.

Пуля снесла ползатылка ублюдку, устроив маленький фейерверк из черепной кости, крови и мозга. Тело несколько секунд постояло неподвижно, а затем, как поваленное дерево, грохнулось о землю.

Соколов повернулся в мою сторону и как ни в чем не бывало осведомился:

— Ты не против?

Я пожал плечами. Я был не против. Этого подонка с его связями, а вернее, со связями папаши, засунули бы в лучшем случае в психушку, из которой он через пару месяцев вышел бы и принялся вновь за свое. А мы опять искали бы его. А так и нам хорошо, и земле легче.

— Что дальше? — поинтересовался я, подойдя к своему товарищу.

Соколов взглянул на оружие, которое держал в руке, и тягуче сообщил:

— Этот ствол — не табельный. Я его «случайно» оставил себе. Номера спилены.

Я молчал, осмысливая то, что говорил мой коллега.

— Подсунем его какому-нибудь уроду и спишем все на него.

Соколов пытливо посмотрел на меня и задал все тот же вопрос:

— Ты не против?

Я, конечно, опять был не против.

— У тебя есть на примете такой малый? — осведомился я.

Соколов уже приободрился, поняв, что я полностью на его стороне.

— Есть. Алкаш чертов. Нигде не работает, целыми днями ошивается у магазина, сшибает у прохожих на выпивку. Жалоб на него по горло. Но посадишь его на пятнадцать суток, и все. Так что по нему тюряга давно плачет.

— А он согласится с нашими доводами? — на всякий случай поинтересовался я.

— А куда он денется? Если что — поможем.

Ну да. С нашей помощью — оно конечно.

— Думаешь, папаша этого ублюдка поверит, что его сына замочил какой-то хмырь?

— Плевать. Мы ему под нос неопровержимые факты подсунем, с чистосердечными признаниями алкаша.

— А как же девочка? — не сдавался я и при этих словах мотнул головой в сторону, где стояла наша машина

Соколов на несколько минут задумался, а затем, растягивая слова, ответил:

— Завезем ее домой. Вроде эта мразь не успела с ней ничего плохого сделать. Только перепугала. Скажем родителям, что маньяка убили в перестрелке, дело закрыто, девочка цела и невредима. Думаю, они никуда соваться не будут.

Теперь уже я задумался. Но ничего лучшего не мог придумать.

— Попробуем, — согласился я.

И мы, так и оставив в лесу мертвого ублюдка, отправились назад.

Соколов залез в «Жигули» насильника и отогнал их поглубже в лес, чтобы раньше времени их не обнаружили.

— А ведь мы следов понаоставляли! — заявил я своему дружку, как только тот избавился от машины ублюдка.

— Ничего. — Соколов почему-то посмотрел на небо и, видимо, оставшись довольным, сказал: — Тучки на небе собираются. Будет весенний дождик. Все ненужное смоет.

А затем протянул мне наполненный чем-то полиэтиленовый пакет.

— Во, — взволнованно выпалил он.

— Что это? — Я искренне недоумевал.

— Деньги. Полный мешок. В «Жигулях» на переднем сиденье лежали. Небось, папаша этого сучару профинансировал.

— И что мы с ними будем делать? — Я изобразил из себя идиота.

Наверное, у меня это неплохо получилось, потому как Соколов с превосходством усмехнулся:

— Ты сколько получаешь?

— А то ты не знаешь, — огрызнулся я.

— Тогда считай, что нам выдали премию.

Я подумал-подумал и согласился. В конце концов мы очистили землю от кусочка грязи. И если государство нам за эту работу не желало платить подобающе, то почему бы не воспользоваться случаем и не позаботиться о себе самим?

В общем, деньги мы поделили.

Соколов оказался прав. Через пару часов пошел настоящий весенний ливень.

И насчет девочки он оказался прав. Когда мы привезли ее к родителям и рассказали им версию, предложенную моим дружком, мамаша малышки едва в обморок не упала, а папаша, тот нам тут же начал трясти руку и благодарить за мужество и так далее, нес, в общем, традиционную в духе патриотизма галиматью, но в конце сказал то, чего мы в общем-то и дожидались, что этому подонку так и надо и хорошо, что его убили в «перестрелке», а то бы он сам его «растерзал, как волк овечку». Мы усмехнулись: на словах все горазды убить и такие смелые, когда же доходит до дела, оказывается, что пупок не так уж сильно завязан. Для таких крутых поступков нужно родиться крутым человеком. Короче, мы попрощались и пообещали заглянуть через пару дней, узнать, как самочувствие ребенка. И еще пообещали, что в милицию их не будем таскать, чтобы не травмировать детскую душу. Они вновь стали нас благодарить, уже вдвоем, прямо в унисон. Обалдеть можно. В общем, что хотели, то и получили. Через пару дней мы на самом деле вновь заглянули к ним. Мать доложила, что с ребенком все в порядке. Она водила девочку к врачам, и те подтвердили ей это. А испуг она сейчас лечит у бабки-знахарки. Ну, на этом и все.

Но вас, конечно, больше интересует не девочка, а как мы выкрутились с убийством маньяка? Думаете, что нам это не удалось, потому что «шишка» наверняка из-за своего сыночка подняла шумиху? Ну и не угадали. Все у нас получилось. Мы поехали на квартиру алкаша, предложенного Соколовым. Этот наркот к нашему приезду уже успел накачаться и забыться беспробудным сном. Дверь нам открыла страхомордище в облике женщины. Она едва держалась на ногах, в ее глазах была такая пустота, что мы сразу поняли: эта отмороженная даже не видит нас. А если и видит, то не двоих, а нескольких. Соколов схватил ее за клок волос и отшвырнул от себя. Она распласталась прямо в коридоре и больше не поднималась. Как она еще нам дверь открыла?! Воистину душа пьянчужки полна загадок. Мы прошли на кухню, где среди пустых бутылок обнаружили искомого алкаша, мирно дрыхнувшего в одной майке и тру-

сах. Пришлось его немножко приодеть. Не голышом же его везти в лес? Короче, вытащили мы нашу жертву из дому, бросили в свою машину и отвезли к тому месту, где остались «Жигули» и сам мертвый их хозяин. Алкаша мы затолкнули в «Жигули», понаоставляли по всему салону отпечатков его пальцев. Свои мы, конечно, перед этим стерли, как и с пистолета, из которого стрелял в маньяка Соколов. А затем Соколов вложил «паленый» ствол в руку продолжавшего дрыхнуть пьянчужки, в карман его драной куртки сунул пачку купюр (пришлось пожертвовать частью денег из пакета дохлого мерзавца). И после этого мы вызвали нашу бригаду из «уголовки». Те приехали, мы обрисовали им ситуацию: дескать, вот, гонялись за маньяком и обнаружили такую картину. На алкаша, тепленького, тут же насобачили наручники, затолкали в «воронок» и повезли в отделение. А криминалисты и мед-эксперт еще некоторое время прочищали территорию, выискивая улики. Ливень к этому времени закончился. И как мы и ожидали, единственными стоящими следами были следы нашего алкаша. В общем, все оказалось в ажуре и оставалось только выудить признание из наркота. Когда тот в себя пришел, то едва с ума не сошел. Ему совали под нос пистолет, деньги и требовали немедленно ответить, что тот натворил в лесу. Естественно, алкаш ничего не мог понять и божился, что ни хрена не помнит, что с утра он с другом хорошо принял, а затем вроде бы направился к себе домой, к своей жене, то бишь страхомордищу, и ни в какой лес не ездил. По поводу неопровержимых улик он ничего путного не мог сказать, отрешенно качал головой и орал, что ни хрена не понимает, и клял всех ментов на чем свет стоит. Ну мы ему пару раз врезали, чтобы знал меру и не был столь красноречив. Затем я и Соколов вызвались проверить так называемый треп подозреваемого. Насчет его жены мы не сомневались. Это живое воплощение уродства черта с два что могло помнить. А вот дружок, с кем наша жертва пила с утра, — с ним предстояло провести профилактическую беседу. Нашли мы этого собутыльника, хорошенько тряханули, ну и тот подтвердил, что да, пил с утра с нашим подозреваемым. Нам такой расклад не подходил. Мы так и сказали этому гребаному свидетелю, что он обознался и пил один, а нашего алкаша в глаза не видел. Тот несколько опешил, а когда мы заявили, что в противном случае вплотную займемся им и мало ему не покажется, тот сразу все усек. Смышленый малый. Он тут же уверенно подтвердил, что, дескать, конечно, пошутил, на самом деле пил точно один как есть, и стал даже клясться. Натурально. Обалдеть можно. Мы его похлопали по плечу и сказали, что он выбрал правильную позицию, сотрудничая с милицией. Вот, в общем-то, и все. Наша жертва была готова к закланию. В конце концов мы нашего алкаша так прищучили, что он сам подписал признание: дескать, был пьян, не ведал что творил и так далее. Полный набор, необходимый для вынесения приговора. Правда, папаша нашего мерзавца попытался было показать свою власть. Как он вломился тогда в наш отдел, как принялся орать, что, дескать, это наша вина. Что его сынишка был сама скромность. Ну хоть ты возьми и заплачь. И даже выразил свое неверие в виновность какого-то забулдыги. Как же, такой крутой сыночек и вдруг погиб от руки какого-то недоноска. Но мы ему подсунули факты, и папашке пришлось смириться. Правда, он грозно пообещал весь наш отдел разогнать без выходного пособия. Все-таки последнее слово оставил за собою. Но нам было наплевать. И не только мне и Соколову, а всему отделу. Очень мы уж ненавидели всех этих чинуш.

Что, хотите сказать, какие мы сволочи? Вот, сажаем невиновных, убиваем, не имея на то права. Ну и что? Мы ведь уничтожаем выродков. И я считаю себя в некотором роде санитаром общества. Ведь по закону что? Даже если удастся доказать вину какого-нибудь ублюдка. А дальше? Отсидит он пять — семь лет и выйдет по амнистии. И пришьет после этого еще нескольких добропорядочных граждан. Вам это нравится? Нет? Ну так и молчите тихонько.

Уже, наверное, догадались, что мы на этом не остановились. И правильно. Мы с Соколовым после этого случая стали не разлей вода. Дружба, скрепленная кровью преступников. Мы совершали самый быстрый и, как считали, праведный суд. Конечно, бандитские «трофеи» мы

оставляли себе. Вот поэтому и говорю, что деньги у меня есть. Считаете нас мерзавцами? Ну и черт с вами! Можете считать.

Ладно. Долой воспоминания! Сейчас, как я уже говорил, мы находимся у черта на куличках и ждем очередную жертву. О ней нам поведал мой информатор. О, информаторы — это незаменимые в нашем деле люди. Кое-какую полученную от них информацию мы пускаем в отдел, ну а отдельную — ту, что для нас, меня и Соколова, имеет ценность, — мы приберегаем для себя. Если бы знать, что произойдет дальше, я бы, наверное, сейчас, не задумываясь, прыгнул в машину и помчался домой спать. Но разве можно знать все наперед? И вы ведь не хотите, чтобы я перескакивал? Хотите знать все с самого начала? Ну так вкушайте.

Итак, мы на окраине столицы. Середина ночи. Или почти середина. Зима подходит к концу, и снаружи машины все еще зябко. Температура около нуля. Эта подробность для въедливых.

Соколов первым видит машину. Он у нас вообще очень зоркий. Сокол, одним словом.

Машина марки «пежо». То, что нам надо. И цвет подходит. Именно о такой говорил мой информатор. И время сходится.

Тусклый свет неоновых ламп высвечивает мчащуюся в нашу сторону иномарку. Сами мы стоим в затемненной части улицы. Здесь лампы на фонарных столбах выбили какие-то умники. Ну, а нам это даже на руку. Кроме «пежо», на дороге не видно никаких других машин. Добропорядочные граждане в такое время суток спят, а недобропорядочные — кто на деле, кто тоже дрыхнет без задних ног.

— Пора, — не поворачивая головы в мою сторону, небрежно бросает Соколов. Он первым выбирается из машины, я — следом.

На свои дела мы выезжаем на семилетнем «БМВ». Это, так сказать, наша общая машина. И именно для работы. Для себя каждый из нас имеет другую. За рулем сидим то Соколов, то я. Это не имеет значения, так как мы оба водим машину довольно профессионально.

Соколов засовывает руку под пиджак и извлекает из плечевой кобуры пистолет, затем из кармана пиджака достает глушитель и неторопливо прикручивает его к стволу. Он всегда все делает не спеша и аккуратно. Таков уж Соколов. И всегда любит начинать сам.

Я тоже вытаскиваю оружие. В отличие от Соколова, оно у меня уже с глушителем.

Сжимая двумя руками рифленую рукоятку, Соколов направляет пистолет в сторону мчащейся на нас машины. Ближний свет фар «пежо» режет нам глаза. Наверняка водитель этой иномарки уже заметил двух людей и теперь лихорадочно ищет решение. Но мы не мешкаем. А вернее, мой напарник. Руки Соколова слегка вздрагивают. В полумраке это не особо видно, но я уже научился ощущать данные движения, даже не лицезрея.

Один «плевок», второй, третий. Кажется, после второго выстрела «пежо» начинает вилять и изменять траекторию прежнего ровного движения. Но в общем это неважно, после первого выстрела или после второго. Главное — цель поражена. И мне даже не приходится вступать в игру.

Машина съезжает с асфальтовой полосы и врезается в фонарный столб. На полной скорости. У меня такое ощущение, что от удара вертикальная преграда подается назад, словно пытается увернуться от столкновения. Но нет, все на месте. Машина еще несколько секунд рычит, будто недовольная, а затем глохнет. От удара капот выгибается, и в блеклом свете неоновых фонарей видно, как из-под него струится кверху полоска дыма.

— Прикрой, — бросает мне через плечо Соколов и, держа в прежней боевой готовности оружие, не спеша движется в сторону покореженной машины. Я следую за ним на расстоянии в несколько метров, зорко наблюдая за грудой металлолома возле фонарного столба.

Соколов всматривается в лобовое стекло с тремя отверстиями, вокруг которых образовались замысловатые узоры.

Он обходит машину и подходит к дверце со стороны водителя. Я останавливаюсь и невольно прижимаю палец к курку. Я готов. Готов в любую секунду начать стрельбу. И Соколов знает об этом. Знает, что может положиться на меня и не бояться за тыл.

Напарник открывает дверцу, из салона вываливается тело водителя: голова тыкается в землю, руки безвольно свисают. Нижняя часть туловища остается в машине.

Соколов оборачивается и машет мне рукой с пистолетом. Дескать, все в порядке: водила мертв, а в салоне иномарки больше никого нет. Я могу подойти. Что и делаю.

Оказавшись рядом со своим напарником, я достаю из кармана куртки фонарик и высвечиваю сначала салон. Там чисто. Затем направляю световое пятно на мертвого человека. Неподвижно застывший водитель «пежо» повернут лицом к земле, поэтому Соколов берет его за волосы и приподнимает голову. Я вздрагиваю и чувствую, как по телу начинают свой бег мурашки. Соколов умеет стрелять. Дырка прямо между глаз, из нее все еще продолжает сочиться кровь. Меня такое зрелище не очень смущает. Уже не смущает. Привык я к нему. Тогда спросите, отчего я вздрагиваю? Вздрагиваю не один я. Соколов едва не выпускает волосы, за которые держит голову жертвы.

Мы смотрим друг на друга. Соколов растерян. У меня наверняка видок тоже не очень собранный. Мы оба вновь обращаем свои взгляды на лицо убитого мужчины, и лишь после этого Соколов как-то осторожно отпускает голову водителя «Пежо».

— Что за черт? — выдавливает он из себя.

Я тоже хочу об этом спросить. Только не знаю кого.

— Это ведь не он, — не слыша от меня ответа, продолжает говорить мой напарник. По видимому, он просто не в силах молчать.

Но я, в отличие от него, храню тишину. Данная ситуация на меня действует по-другому. Мне, наоборот, не хочется говорить. Да и что говорить? Мы вляпались. За столько лет. Догадались? Совершенно верно. Мы убили не того человека. Что, небось ехидно усмехаетесь? Дескать, так и должно было в конце концов случиться. Вот теперь и разглагольствуйте о том, что убиваете одних только бандитов. Что ж, можете что угодно говорить. Но мне от этого сейчас не легче. У меня даже мысли не выстраиваются в определенном порядке. Так — хаотическая круговерть в голове.

— Как такое могло произойти? Сведения ведь от твоего информатора?

Соколов не унимается. Черт бы его побрал! А я продолжаю хранить молчание. Я вожу фонариком по машине. И ничего не понимаю. Вроде бы все так, как говорил информатор. Машина марки «пежо», темно-синего цвета. Время совпадает. Вот только тот, кто находится в машине, совсем не тот человек, которого мы ждали.

Я не тороплюсь пока делать выводы поспешные — они самые неверные. Так в основном всегда, проверено на опыте. Тем более что в голове продолжает царить неразбериха.

Я наклоняюсь к трупу и начинаю шарить по карманам его пиджака. Извлекаю на свет удостоверение. Бордового цвета с золотым тиснением. Круглое световое пятно скачет из стороны в сторону, ладони рук начинают потеть, а от соприкосновения с книжечкой я ощущаю невероятный, исходящий от нее жар.

Я раскрываю удостоверение и чувствую, как по позвоночнику растекается холод. Смотрю на Соколова, а тот на меня. В его глазах я читаю безысходность. Что он читает в моих, я не знаю, но думаю, также ничего оптимистичного.

— Здорово, — вместе со вздохом выплевывает Соколов. — Мы убили сотрудника ФСБ.

Уголки губ у меня вздрагивают. Я опять ничего не могу сказать в ответ. Можете продолжать злорадствовать. Тем более что я вас не слышу. А вот если бы услышал, то вам было бы не до ехидства, вы бы постарались поскорее от меня отбежать на безопасное расстояние. Потому что в эту минуту у меня неожиданно начала появляться злость. От того, что обкакались, и не

просто так, слегка, а с головой. Мы убили не только постороннего человека, а еще и сотрудника ФСБ. Охереть можно.

Я вновь скашиваю глаза к раскрытому удостоверению. Внутри книжечки лежит клочок мелованной бумаги. Я машинально его подхватываю и при свете фонарика читаю: «Цен. окр. 16-00». Фраза написана шариковой ручкой, неровным почерком, и у меня непроизвольно возникает ощущение, что человек, который написал ее, очень спешил. Сообщение на клочке бумаги мне ни о чем не говорит. Более того, я ни черта не понимаю в этих сокращенных словах. Или не сокращенных? Но то, что этот клочок бумаги находится в удостоверении, свидетельствует о его важности. Я не успеваю перекинуться мнением со своим товарищем. С той стороны, откуда несколькими минутами ранее двигался покореженный ныне «пежо», слышится характерный звук двигателя.

Я и Соколов одновременно оборачиваемся на шум. Так и есть. К нам с ярко горящими фарами приближается автомобиль. Мудила, который сидит в нем, включил дальний свет. Видимо, считает, что ему все дозволено в городе.

На отрезке дороги, где горят фонарные столбы, я подмечаю марку машины. И мне неожиданно становится плохо. «Пежо». Будь проклят этот день!

От Соколова сей факт тоже не укрывается. Я вижу, как у него каменеет и бледнеет лицо. Наверняка у нас возникает одна и та же мысль. Правда, выяснить мне это не удается. Соколов незамедлительно приступает к действиям.

Он вырывает из моих рук пистолет (свой сует за пояс), отстраняет меня чуть в сторону, обходит покореженную машину спереди и, положив руки с оружием на верх кузова, прицеливается в двигающуюся мишень.

От яркого света фар я невольно зажмуриваю глаза и тут же, пересилив резь, открываю их. Этому стервецу в «пежо», по-видимому, плевать, что он может ослепить водителя встречного транспорта. Ну, Соколов ему воздаст по заслугам. Вообще Соколов может стрелять и с закрытыми глазами. Такой уж он у нас.

Сколько раздается выстрелов, я не считаю. Мне кажется, что напарник выпускает весь магазин.

Слышится скрежет тормозов, яркий свет фар смещается в сторону, и через несколько секунд все кончено. Звук удара. И второй «пежо» застывает у фонарного столба с деформированным капотом. С противоположной от нас стороны. Картинка, скажу вам, получается что надо. Это надо видеть.

Соколов приосанивается и бегом пересекает улицу. Даже мне не кричит, чтобы я его прикрывал. Я, не раздумывая, отправляюсь следом.

Натворили мы дел, конечно, ого-го! Если сейчас кто-то будет ехать, выкрутиться нам будет совсем не просто. Если, естественно, снова не начать стрелять. Но я, кажется, обещал, что забегать вперед не буду.

Я останавливаюсь. И направляю луч фонаря на открытую дверцу со стороны водителя. Ее уже успел распахнуть Соколов. Очень уж ему не терпится.

В отличие от первого водилы, этот лежит в салоне, головой уткнувшись в баранку.

Соколов нетерпеливо приподнимает голову новой жертвы. И я облегченно вздыхаю. Да, на этот раз мы отправили на тот свет именно того, кого и намеревались. Но разве это может исправить допущенную несколькими минутами раньше оплошность? Как-то машинально я высвечиваю фонариком салон автомобиля, саму машину и, тяжело вздохнув, выдаю невпопад:

— Ну вот.

Я чувствую, как Соколов вздрагивает, словно наталкивается на гремучую змею. Но на этот раз я решаю не ждать слов от своего дружка и первым подвожу итог:

— Информатор мой не врал.

— Не врал?! — Соколов подпрыгивает на месте. — Ты считаешь, то, что этот отморозок и фээсбэшник ехали на автомобилях одной и той же марки в одно и то же время, — случайность?

Соколов с остервенением тычет указательным пальцем сначала в один «пежо», затем в другой. У меня такое ощущение, что он хочет проткнуть своим перстом железные кузова злосчастных машин. В крайнем случае той, возле которой мы стоим.

— Хочешь сказать, что мой информатор нас подставил? — Я пытаюсь несколько урезонить своего дружка Но не тут-то было.

— А что еще?

— Я знаю его уже пять лет. У него кишка на это тонка.

— Тонка? — шипит мне прямо в лицо Соколов. — Знаешь, что мы в первую очередь сделаем? Посадим его на кол и проверим, насколько прочна эта кишка.

Ну, я, конечно, не так чтобы против, но вообще у меня на этот счет свое мнение. Но Соколова сейчас не переубедишь. Ему если что-либо втемяшится в башку, лучше согласиться. Себе дороже.

— Ладно, — уже спокойнее произносит Соколов. — После будем разбираться. Давай сматываться.

Он опускает голову и удивленно спрашивает:

— Это что у тебя?

В одной руке у меня фонарик, а во второй... Вот черт, таскаю с собой удостоверение мертвого фээсбэшника, ничуть о нем не задумываясь. Совсем уже голова помутилась.

— Корочка человека из ФСБ, — произношу я в ответ.

— На хрена она тебе? Забрось назад.

— Там странная бумажка, — решаюсь произнести я, открываю удостоверение и показываю кусок мелованной бумаги.

Соколов даже не читает то, что меня заинтересовало. Он резко хватает кусок бумаги со странными словами и сует ее себе в карман брюк.

— Отнеси назад, — повторяет он. — А я здесь приберусь.

Я не возражаю. Пересекаю проезжую часть и останавливаюсь у покореженного «пежо», из раскрытой дверцы которого свисает к земле голова мертвого человека.

Удостоверение я возвращаю его хозяину — засовываю во внутренний карман пиджака. И несколько секунд размышляю, не втолкнуть ли неподвижное тело внутрь салона, но затем отказываюсь от этой затеи.

Я слышу гулкие быстрые шаги по асфальту, поворачиваю голову и встречаюсь со взглядом Соколова. В руке у него «дипломат».

— Держи, — произносит он на ходу и передает мне в руки поклажу. — Все на месте. Чемоданчик набит деньгами.

— Значит, мой информатор прав? — приободряюсь я.

— Прав, прав, — нехотя отвечает Соколов. — Только насколько?

Ишь ты! До последнего не будет признаваться в своей неправоте. Но я на него не обижаюсь. Слишком долго мы едим из одной тарелки.

Соколов наклоняется к трупу случайной жертвы, и я вижу, как он сует в безвольную ладонь ствол.

— Думаешь, кто-то поверит, что они перестреляли друг друга? — не скрываю я скептицизма.

— Отправляйся к машине, — резко произносит Соколов, не желая разглагольствовать на эту тему. — И жди меня в ней.

Я пожимаю плечами. Но Соколов этого не видит, занятый своим делом.

Я поворачиваюсь и убираюсь с этого проклятого места. В «БМВ».

Через лобовое стекло я наблюдаю за темной фигурой своего товарища. И по его движениям очень хорошо улавливаю, что он делает.

В руках Соколова оказывается некий предмет. И я вскоре сознаю, что это просто тряпка. Наверняка он ее вытащил из салона покореженного автомобиля. Этой тряпкой он принимается заметать следы, которые мы оставили на обочине. Мне кажется, что это того не стоит. Но у Соколова, конечно же, свое мнение. И, руководствуясь им, он с энтузиазмом таскает тряпку по песку, которым выложена обочина, сначала возле одной машины, затем возле другой. И только после этого направляется к «БМВ».

Я завожу двигатель машины. Соколов плюхается рядом со мной, шумно захлопывая дверцу.

— Разворачивайся, — бросает он, не глядя в мою сторону.

Я так и делаю. Развернувшись, останавливаюсь, не съезжая с асфальтовой полосы. Я уже предугадываю, что дальше будет делать Соколов.

Так и есть. Он выпрыгивает из машины и все той же тряпкой стирает с песка следы протекторов нашей машины. «Старатель», как есть, наш Сокол.

Он возвращается в машину, кидает тряпку на заднее сиденье и жестом партийного лидера тычет рукой в лобовое стекло, указывая «верный путь».

— Жми на газ.

Меня не нужно упрашивать. Я и так считаю, что нам повезло. А вы нет? Но мне наплевать. У меня в данный момент одна мысль — поскорее убраться отсюда. Соколов кладет на переднюю панель автомобиля оружие.

— Из этого пистолета я убил фээсбэшника, — докладывает он ровным голосом, словно читает реферат. — А из того, который был у тебя...

— Ты ухлопал Винта. — Особого ума не нужно, чтобы об этом догадаться.

— Точно. И оставил этот пистолет в руках мертвого человека из ФСБ.

Винт — это водила «пежо», который мы ждали. Бандюк из бандюков. Деньги он вез для судьи. Чтобы смягчить приговор своему уродцу брату, который уже несколько месяцев прозябал в СИЗО по обвинению в убийстве. Ну, разве мы не санитары? Ухмыляетесь? Черт с вами!

— Допустим... — начинаю я мыслить логически. — Допустим, можно предположить, что фээсбэшник пристрелил Винта. Но кто тогда укокошил самого человека из ФСБ?

— Тот, кто ехал с Винтом, — как ни в чем не бывало отрезал Соколов.

Выдержка у него та еще.

— А кто с ним ехал? — Наверное, более идиотского вопроса я не мог и придумать.

— Вот его-то нам и придется найти, — ровно произносит Соколов. — Разве это нам впервой? Нужно найти какого-нибудь козла отпущения из окружения Винта, подсунуть ему это оружие (Соколов тычет пальцем в рукоятку пистолета, который лежит на передней панели автомобиля), оставить на этом стволе (вновь удар пальцем по вороненой стали) пальчики этого козла, ну а дальше... Пусть попробует выкрутиться при такой улике.

Я молчу. Потому что в общем-то полностью согласен со своим дружком. И рад, что в данной ситуации он не растерялся. В отличие от меня.

— А твоего информатора в любом случае придется убрать, — неожиданно произносит он. — Не нужен нам даже такой свидетель. Ведь он знает, что мы направились сюда?

Возразить нечего. И теперь придется «стирать» мне.

— Думаешь, сможем проскочить? — как-то пытаюсь смягчить разговор.

— Патрульный наряд или кто-то еще обнаружит трупы, — начал разглагольствовать Соколов. — Это неважно. Когда узнают, кто убит, приедут не только из милиции, но и из ФСБ. Это естественно. ФСБ будет по своей линии расследовать. Ну, а наша служба... Скорее всего вся тяжесть ляжет на райотдел, чья территория. Но главк ведь может помочь? Не находишь? И почему бы это были не мы?

В самом деле. Почему бы нет? Что, небось опять скептически усмехаетесь? Давайте-давайте. Теперь я добрый. Когда все позади. Или я спешу?

Сейчас мы выезжаем на центральный проспект. Мимо нас проскакивает «мерседес». Но я уже спокоен.

Неожиданно Соколов начинает шарить по карманам своих брюк, словно что-то потерял и проверяет, так ли это.

Вытаскивает клочок бумаги. Тот, который я ему передал, вернее, он сам его выхватил из удостоверения мертвого фээсбэшника.

Соколов, по-видимому, считает, что теперь самое время ознакомиться с информацией на куске мелованной бумаги.

— Что-нибудь понял? — не выдерживаю я долгого молчания.

Соколов неторопливо складывает бумажку вдвое и кладет ее назад в карман своих брюк.

— Можно предположить, что 16-00 — это время, — торжественно произносит он.

Я скептически хмыкаю. Мне этого мало.

— А остальное? — подгоняю его я.

— А остальное может значить что угодно, — пространно заявляет он и откидывается на спинку сиденья.

Я больше его не тревожу. Зачем? Мне сейчас хочется поскорее оказаться в теплой постели. Но перед этим, конечно, поделить деньги. Наши деньги. За работу.

Фу, устал я с вами говорить. Прошу, конечно, прощения, но мне нужно отдохнуть.

2. СЕРОВА

Прошел год, как не стало Эрика, моего мужа, а я так и не смогла прийти в себя после такой утраты. Горечь, боль — это как-то притупилось. Дело совсем в другом. Когда был жив Эрик, я не задумывалась о будущем, мне оно казалось беззаботным и ясным. Муж у меня был богатым; фактически владел двумя банками, а также был соучредителем одной крупной внешнеторговой фирмы. Конечно, он не сразу добился такого положения. Нет. Понадобились долгие годы. Многие женщины, видя меня с ним, завистливо смотрели нам вслед, и каждая про себя наверняка думала, что вот-де подхватила себе «денежный мешок». Дуры набитые. Я ненавижу свою половину человечества. Не знаю как кому, а мне встречались только завистливые или глупые как пробки бабы, с которыми кроме как о дорогих украшениях и шмотках и поговорить было не о чем. Говорят с тобой, а в глазах их так и читаешь: «Конечно, с таким богатеньким мужем можно что угодно себе позволить». Идиотки тупоголовые. Я никогда бы не вышла замуж только из-за денег. И с мужем я своим познакомилась, когда у него в карманах ветер гулял. Он только закончил институт, а я — школу, обычную среднюю школу. И ехали мы в обычном трамвае. Ко мне прицепился контролер, а он заступился и заплатил штраф — как потом сказал, это у него были последние деньги от стипендии. Мне было шестнадцать, ему двадцать шесть. Он был симпатичный, среднего роста, я была выше его на полголовы. Мне вообще-то никто не давал тогда моих шестнадцати. Минимум двадцать. Но, несмотря на разницу в возрасте и росте (нас и позже называли не иначе как «французская парочка»), мы влюбились друг в друга, как Ромео и Джульетта. После того, как мы вышли из трамвая, он проводил меня до дома и всю дорогу рассказывал и рассказывал о чем-то, я даже не помню о чем, но мне было приятно его слушать, слушать один лишь голос, и неважно, что он говорил, лишь бы слышать эту мелодию. У него был талант завораживать людей своими разговорами. Меня он тоже заворожил. Потом были свидания. А через год мы поженились. Его родители выделили нам маленькую комнатку в своей трехкомнатной квартире. Вот так мы начинали. С голого места... Как давно это было! Больше десяти лет. Когда только стала развиваться кооперация, Эрик не бросился в мелкий бизнес, в это «купи-продай». У него был дар провидения.

Он не раз мне повторял, что вся эта мелочь ненадолго, она пройдет, будущее за крупными компаниями. Он был одним из первых, кто ринулся создавать частный банк вместе с горсткой друзей-сподвижников. В то время как другие сколачивали деньги на представившейся возможности где-то подешевле купить, а затем в другом месте подороже продать, он, в отличие от них, не стремился к сиюминутной выгоде, нацеливаясь на перспективу. «Пусть сейчас мы немножко победствуем, — говорил он, — но затем все окупится». Он так уверенно это предсказывал, что я нисколько не сомневалась в его словах. И Эрик оказался прав. За десять лет он стал тем, о ком я говорила: у него были два банка и крупная компания. Он на самом деле оказался провидцем. Разве я могла об этом даже мечтать? О роскошной квартире, машине? Что у меня будет счет в Цюрихе? Эрик сам мне его открыл, вернее, вместе со мной. И все заработанные деньги переводил на него. В юношеские годы какая-то цыганка нагадала ему, что он проживет не больше сорока лет. Он мне рассказывал об этом с усмешкой, но я чувствовала — из-за этого предсказания что-то гложет его внутри. Как-то он заявил, что, если с ним что случится, он желал бы, чтобы деньги, заработанные им, не пропали. В своей жизни он любил только своих родителей и меня. Это он мне так сказал и добавил, что меня — даже больше. Поэтому и счет открыл только на меня... Эрик очень хотел детей. Но вначале, пока мы еще не встали как следует на ноги, он сам сдерживал себя, уверял, что нужно подождать. Материальное положение он считал одной из важных предпосылок для того, чтобы заводить детей. Потом уже я просила подождать. Вознамерилась вдруг учиться, не хотелось возле мужа быть человеком со средним образованием, хоть он и говорил, что для него это большой роли не играет. Я поступила в университет, но проучилась только три курса, бросила, почувствовав, что желания учиться больше нет никакого. Эрик тогда усмехнулся и сказал, что ничего страшного, может, оно так и лучше. Он вообще придерживался патриархальных взглядов. «Жена должна хранить очаг, а муж быть добытчиком». Это была его любимая приговорка. Так у меня осталась одна специальность — домохозяйка. Он проводил очень много времени на работе. Это и понятно. И требовал от меня лишь одного: чтобы когда он приходил домой, на столе его ждал сытный теплый ужин, а я его встречала улыбкой. И когда его банки и фирма заработали, он прибавил, чтобы я не жалела денег ни на что, достаточно, что детство свое мы провели в нищете... Как только у него выпадало несколько свободных дней, он брал меня с собой, и мы вместе куда-нибудь ездили. В горы, на какие-нибудь острова. Мы уже могли себе это позволить. Я любила Эрика. Очень любила и как могла наполняла его этой любовью. Эрик заставил меня выучить английский язык. Ему было некогда, а он очень часто контактировал с зарубежными партнерами. Все вечеринки он проводил вместе со мной. Никогда он не отправлялся один ни на какой бы то ни было банкет. И жутко гордился, когда я свободно разговаривала с его гостями на английском. Как, впрочем, и тем, что его жена высокая, красивая и сексапильная шатенка.

Я жила, не задумываясь над тем, что будет завтра. Мне казалось, что ничто и никто не сможет его омрачить. Но все внезапно рухнуло. Эрика не стало. Сбылись предсказания цыганки. А со смертью Эрика я поняла, насколько не приспособлена к самостоятельной жизни. Кем я была, когда был жив муж? Домохозяйкой. Все решения принимал Эрик, все проблемы решал тоже он. Я лишь жила при муже, отгороженная им же от всех житейских проблем. Наверное, это и плохо. Потому что с уходом Эрика я стала беззащитна. Я не знала, как дальше жить, как к чему подступиться. Раньше я просто ни о чем не беспокоилась. Я знала, что у меня есть Эрик, который все сделает так, как надо. Но теперь я осталась одна. Мне не у кого было спросить совета, все нужно было решать самой. Наверное, это была единственная ошибка моего мужа. Ему нужно было научить меня жить одной. Научить умению выживать в условиях, когда ты как Робинзон, а вокруг тебя ни одной родной души. Но Эрик делал все наоборот. Он оберегал меня, оберегал от всех невзгод, и я жила как цветок в тепличных условиях. Не задумываясь о том, как буду чувствовать себя без садовника.

Настоящих подруг у меня не было и нет. Есть знакомые, которые иногда прибегают ко мне просто помолоть языком. И если раньше в их глазах можно было прочесть, что я отхватила хороший кусок в лице Эрика, то теперь в них искрился не менее красноречивый вывод: и чего ты киснешь, когда у тебя от Эрика осталась куча денег, их тебе хватит до конца дней. Может, оно и так. Может, другая на моем месте и не унывала бы. Молодая, красивая, богатая, что еще надо? Но я не другая. Все дело в том, что Эрика я по-настоящему любила. И до сей поры отчетливо сознавала, что и меня никто не сможет любить так, как он. Никто так, как Эрик, не будет целовать каждый изгиб моего тела, каждую родинку, никто, как он, не назовет меня «кареглазкой» и своими губами не прочувствует каждую ресничку. И никто не скажет, что для него самое главное, чтобы удовольствие от близости в первую очередь получала я, а ему достаточно и того, что мне хорошо. Но разве кому-нибудь об этом расскажешь? Такое можно хранить только в своей душе. Потому что это глубоко личное. И разве скажешь этим завистливым дурам, что, если бы у меня была альтернатива: все деньги или Эрик, — я бы выбрала Эрика? Я бы согласилась вновь жить в маленькой комнатке, но рядом с ним, с Эриком. Мне бы никто не поверил. Все считали, что мне повезло. Сначала отхватила классного мужа. А теперь стала молодой богатой вдовой.

После смерти Эрика я больше всего жалею об одном. Что мы так и не завели ребенка. Пусть бы хоть одного. Все-таки маленькая частичка от него осталась бы. И мне было бы чуть полегче. Ведь я бы знала, ради чего жить.

Совсем недавно я была в Цюрихе. Пробыла там около двух месяцев. В банке мне сказали, что все деньги на месте и я могу распоряжаться ими в любое время. И мне не обязательно лично приезжать в банк. Я купила домик недалеко от гор и прожила в нем около месяца. Но затворничество не принесло мне удовлетворения. Мне всего лишь двадцать восемь лет, и отгораживаться от жизни, наверное, слишком рано. Но что делать дальше, я не знала.

Две недели назад я вернулась в Москву. Здесь многое осталось. Дом за городом, квартира в центре столицы и, главное, могила Эрика. У надгробия мужа я провела много времени, пытаясь разобраться в себе и глупо надеясь, что покинувший меня любимый человек подскажет, как мне дальше существовать.

В нашей с Эриком квартире очень уютно. Я сама в свое время выбирала мебель. Находясь вдали от дома, мы с Эриком всегда стремились обратно, в наш домашний уголок.

Я как раз вернулась с кладбища и пила горячий кофе, когда раздался звонок зуммера у входной двери.

Видеть не хотелось никого. Однако звонок звучал довольно настойчиво, долго, не прерываясь.

Я тяжело вздохнула и двинулась в прихожую.

Старая знакомая Элизабет впорхнула в квартиру, едва не сбив меня с ног.

Двадцатипятилетняя красотка среднего роста как метеор набросилась на меня и принялась обнимать.

— Машка, Машка! — причмокивала она губами. — Как услышала, что ты приехала, сразу к тебе. Ну ты, подружка, похорошела.

Она отстранилась от меня и оценивающе смерила взглядом.

— Признавайся, — лукаво подмигнула она, — нашла кого-нибудь?

Ее бесцеремонность бесила меня всегда. И больше всего то, что она могла болтать что угодно, не задумываясь над тем, приятна ее болтовня собеседнику или нет.

— У меня муж всего год как умер, — попыталась урезонить ее я.

— Да ладно тебе, — махнула рукой она. — Не в монастырь же ты ездила.

Элизабет подмигнула мне, как заговорщица.

— Швейцария... — тут же мечтательно промолвила она, поднимая глаза к потолку и чмокая от наслаждения губами. — Красота, наверное, да?

Я поморщилась. Говорить с этой болтушкой не хотелось.

Элизабет отошла от меня, сняла с себя шикарную дубленку, бросила ее на тумбочку, следом сумочку, стащила сапоги, плотно облегающие икры, и, не интересуясь больше ничем, прошла в гостиную.

Коротенькая юбочка, плотные дорогие колготки, тонкая кофточка четко подчеркивали достоинства ее фигуры.

— Ты почему не позвонила? — не оборачиваясь ко мне, бросила она, по-хозяйски расхаживая но гостиной.

Я ничего не ответила, закрыла на замок входную дверь и прошла в комнату, которую облюбовала моя старая знакомая.

Вообще-то ее имя Лиза. Но ей оно не нравится. Ей ничего наше, родное, не нравится. Она грезит и признает только заграничное. Вот и имя свое переиначила. Дура набитая. Еще подругой себя называет. Какая она мне подруга? С ней и поговорить не о чем. Да и как поговоришь, если она даже рта не дает открыть, тараторит что попало, не заботясь о слушателях. Муж ее был компаньоном Эрика. Хотя... скорее Эрик «был», потому как его не стало, а муженек Элизабет живет и здравствует. И вышла Лиза замуж исключительно по расчету. Она на двадцать лет младше своего полулысого, метр с кепкой, суженого. И в общем-то считает, что все красивые женщины выходят замуж исключительно из меркантильных соображений. Тупоголовая блондинка. Помню, когда умер Эрик, она даже мечтательно произнесла, что и ее «полулысый умник» не вечен. Никакого такта.

— А я от Томки узнала, что ты вернулась, — не останавливаясь, продолжала верещать Элизабет. — Сначала не поверила. Говорю: зачем ей возвращаться, что ей в этой стране делать? С такими деньгами только шиковать по Монте-Карло. А Томка, стервоза, говорит: «Ты чё, я не знаю Машки? Она это была, на своем «мерседесе». Ну я и решила заглянуть к тебе. Ты, надеюсь, не против, подружка? Кстати, — не унималась она, — Томка поменяла муженька. Какого-то плешивого дипломата зацапала. Круто, да?

Элизабет остановилась у финской стенки, открыла бар, достала мартини, тоник и поставила на журнальный столик. Затем вытащила два бокала и поставила их рядом с бутылками. После этого обернулась ко мне и интригующе расплылась в улыбке.

— А ты на самом деле клево выглядишь. Даже загорела, как мне кажется.

Я усмехнулась. В Швейцарии сейчас было не так уж и жарко.

— Нет, в самом деле. — Элизабет уверенно замотала головой. — Видок что надо. И платьице. Оттуда, да?

Я кивнула. Угадала. Платье мне самой очень нравилось. Плотно облегающее, короткое, что особенно подходило к моим длинным стройным ногам.

— Да, ты Ленку помнишь? — неожиданно перескочила Элизабет на другую тему. — Ну, невесту Молохова? Так вот, представляешь, накануне свадьбы она взяла да трахнулась с референтом Молохова. Клево, да? Прямо в кабинете своего будущего мужа. Вот дура! Не могла подождать, стервоза. Теперь она уже не невеста.

Элизабет тоненько засмеялась. А мне лично все эти слухи безразличны. Неинтересны они мне, как и сама хозяйка, которая их расплескивает по всему свету.

Смех у Элизабет неожиданно оборвался. Она внимательно посмотрела на меня и замычала:

— У-у, подруга, да у тебя по-прежнему в глазах печаль. Нельзя так. Давай-ка лучше выпьем за встречу, да и я что-то продрогла на улице.

Она разлила по бокалам мартини, сама смешала его с тоником и плюхнулась в кресло.

— Конечно, лучше разбавлять соком, — со знанием дела произнесла она, — но ты ведь все приемлешь. А мне все равно с чем пить.

Она подмигнула мне и сделана большой глоток.

Я присела в кресло напротив гостьи, но к бокалу не притронулась. Пить не хотелось.

— А ты чего так быстро вернулась? — спросила вдруг Элизабет, расслабленно откидываясь на спинку кресла. — Я уж думала, все, ты там останешься. Неужели так хреново? Вот я с полгода назад была со своим полулысым в Каннах, ну балдеж, я те скажу. Уезжать не хотелось. Вот живут люди так живут. Я возвращаться не хотела, но мой заявил, что оставит в этом случае при мне полцента, не более. Вот сволочь... А ты теперь вольна как птица. О чем еще можно мечтать?

— Прекрати, — резко произнесла я и заскрипела зубами, чтобы не послать эту бестию куда подальше.

Элизабет вылупила на меня глаза, икнула и обескураженно замотала головой.

— Не пойму я тебя все-таки, подружка, ох не пойму.

— И не нужно, — отрезала я.

— Что ты тут собираешься делать? — Элизабет выпила успокоительный глоток из бокала.

— Не знаю.

И это правда. Я не знаю, что мне делать. Я не нахожу себе места. Ни там, в Швейцарии, ни здесь, дома.

— Мужика тебе надо, подруга, — уверенно произнесла Элизабет. — Красивого, сильного, чтобы заставил тебя всю трепетать. Хочешь познакомлю? Голливудский мальчик.

— Себе оставь, — с неприязнью проговорила я.

— У меня этого добра хватает. Не с полулысым же мне кончать. От одного его вида у меня между ног все съеживается.

— И как же вы тогда вместе спите?

— Сама не пойму, — довольно гыкнула она, едва не захлебнувшись жидкостью.

Осушив бокал, Элизабет вновь начала себе готовить напиток, продолжая при этом без умолку тараторить:

— У моего вечером презентация. А я собралась в кабак сходить. Не дома же одной сидеть. Хочешь, вместе сходим?

Она недвусмысленно подмигнула. Черт бы ее побрал! Никак не может успокоиться. Мало того, что ввалилась незванная, так еще и свои порядки решила тут навести.

Я отрицательно замотала головой.

— Ну как знаешь, — безропотно смирилась она. — Кстати, как там Швейцария?

Вспомнила. И то спасибо.

— Швейцария как Швейцария, — пожала плечами я.

— Где там была? — продолжала допытываться Элизабет.

— Купила домик в горах. Там и жила.

— Чё, все время? — не поверила она.

— Все время.

— Ну ты, подружка, вообще... — Кажется, от удивления ее сейчас хватит кондрашка.

— К сожалению, — вздохнула я и решилась немного пригубить мартини.

— Ну, ладно. — Элизабет неожиданно с грохотом поставила бокал на журнальный столик. — Я думала, у тебя уже все в порядке. Что ты там, в Швейцарии, наконец стала сама собой. Но раз так...

Она не договорила, вскочила с места, вылетела в прихожую, а затем возвратилась со своей сумочкой.

Плюхнулась в кресло, несколько секунд покопалась в сумочке, а затем вытащила сложенный вдвое листок и положила его на стол, тут же придвинув поближе ко мне.

— Вот, — многозначительно произнесла она. — Раз ты по-прежнему не знаешь, что да как, это тебе должно помочь.

Я лично в этом не убеждена. Какой-то листок может разобраться в моей душе? Смешно.

Тем не менее из любопытства я развернула листок. На голубоватой поверхности крупными буквами было написано: «Вы не уверены в себе? Вы потеряли ощущение полноты жизни? Думаете, что нет никаких путей заново начать работать, любить? Неправда. Мы готовы вам доказать, что это не так. Всего лишь месяц, и с помощью разработанной нами методики, которую мы успешно применяем как на внутреннем, так и на внешнем рынке, вы получите то, чего вам так не хватает. Гарантируем. Отрицательных рекламаций за все время существования фирмы мы не имели. Но если вы все же будете не удовлетворены, мы готовы выплатить вам компенсацию, оговоренную при личной встрече. Мы готовы прийти вам на помощь. Сделайте же встречный шаг». Я невольно перевела дыхание. Внизу подпись: «Доверительно-психологическая служба «Кронус». Еще ниже были указаны телефоны и координаты данной службы. Я отложила листок и с некоторым удивлением посмотрела на гостью.

— Что это?

— Этот листок мне дала Томка. Она обращалась в эту фирму и сказала, что они там творят чудеса. Понимаешь? В эту фирму так просто не попасть, она нигде себя не афиширует, не рекламирует, только вот так, через друзей. Томка говорит, что это просто фантастика. Тем более что от тебя ничего не требуется. Ты вначале платишь триста долларов и, если через месяц удовлетворена, еще триста. Но коли что не так, они возвращают все деньги. Сечешь, подружка?

— Не секу, — огрызнулась я. — Это что, брачное агентство?

— Неужели я могу тебе такое предложить? — ненаигранно обиделась Элизабет. — Томка сказала, что в этой службе помогают найти этот треклятый смысл жизни. Всем. И кто кого или что потерял. Или не терял. Неважно. Но они на самом деле помогают встряхнуться и начать жить. Так уверяет Томка. Она говорит, что стала совсем другим человеком. И мне всунула этот листок. Сказала, что я какая-то сумасшедшая и мне просто необходима эта служба. Вот стервоза, а?

Ну, то, что Элизабет малость не того, — это вне сомнений. И я Томку понимаю.

— И что в этой службе делают? — Я давала понять, что все равно не доверяю этим словам.

— Томка не может этого сказать. Они берут там подписку о неразглашении их методов.

— Интригующе, — хмыкнула я.

— Я думала сама сходить, но теперь вижу, что тебе важней.

— Мне? — скептически спросила я.

— Ты сама не своя после смерти Эрика. Да и что ты теряешь? Времени у тебя полно. Работы нет, дети не держат. Деньги есть. Почему бы тебе не попробовать?

— Да, почему бы не попробовать? — пробурчала я себе под нос.

— Ну, вот и договорились, — облегченно вздохнула Элизабет, закрыла свою сумочку и вновь налила себе в бокал мартини.

Сделав лишь глоток, она вскочила с кресла, подошла к бару и достала оттуда пачку сигарет и зажигалку. Мне всегда казалось, что, если бы ей вдруг стало необходимо, она пошла бы в спальню и без церемоний стала бы рыться в моем нижнем белье. Слава богу, этого пока ей не было нужно.

Плюхнувшись снова в кресло, она неторопливо, с присущей только ей грацией закурила и не менее грациозно выпустила струю тонкого табачного дыма к потолку. Было такое ощущение, что в эту минуту сюда заявился очередной голливудский мальчик, которого она намеревалась снять, пока рядом не было ее полулысого муженька. Я даже оглянулась назад, чтобы убедиться в ложности своего ощущения.

— Ты знаешь, — проворковала неутихающая Элизабет, — Томка-то сменила мужа после посещения этой фирмы. Ты ее сейчас просто не узнаешь. Эту стервозу. Ба...

Она вдруг хлопнула себя по коленям так, что пепел с сигареты свалился на мой вьетнамский чистошерстяной ковер. Но она даже не заметила этого. Куда уж! Ведь не у себя же дома. Там-то она точно бы завыла, как раненая волчица.

— Ты ее при встрече даже не узнала, — ткнула она в мою сторону сигаретой и уверенно подтвердила: — Точно. Она тебя узнала в твоем «мерседесе», а ты ее — нет. Верняк, подружка. Говорю, изменилась — одуреешь.

Я недоверчиво скривила губы. Я не помнила, чтобы видела где-нибудь Томку после возвращения из Швейцарии. И неужто она так изменилась? Не поверю.

— Так что и ты станешь другим человеком. — Она стукнула рукой с сигаретой по бумажке. Пепел на этот раз свалился на поверхность журнального столика. Но балаболка даже глазом не повела, словно пепельницы в этом доме и не существовало и можно было весь мусор бросать прямо под ноги. Или еще куда.

— Тебе эта фирма больше пригодится, — остудила ее я.

— Мне? — не поняла Элизабет.

— Томка поменяла мужа после похода туда, вот и ты своего полулысого обменяешь на более приличное создание.

— Ты чё, подружка? — тут же обиделась она. — На хрена мне кто-то другой. Мне мой вполне подходит. Деньги дает, подарками засыпает. И верит мне, дурачок. А при той интенсивности работы, которую он ведет, он больше десяти лет и не протянет. А через десять лет мне будет всего-то тридцать пять. Представляешь, подружка? В тридцать пять я буду богата и свободна как птица. Вот когда мы с тобой погуляем.

Она мечтательно закрыла глаза и тяжело вздохнула:

— Ну, ты-то десять лет ждать не будешь. Это уж точно.

Последние слова она произнесла с крепкой убежденностью. И в общем была права. Я не буду ждать ее не то что десять лет, даже десять минут.

Она отыскала глазами пепельницу на краю журнального столика и затушила в ней окурок. Хорошо, что не додумалась затушить о финскую стенку. С нее стало бы.

Элизабет посмотрела на свои ручные часики, усыпанные осколками бриллиантов, и вдохновенно произнесла:

— Ну, у меня еще есть часик. Ты чё там привезла из Швейцарии?

Она словно забыла, о чем до этого говорила.

— Да ничего особого, — отмахнулась я. — Пару костюмов да несколько платьев.

Элизабет подскочила, будто ей подложили под мягкое место кнопку.

— Ну, подружка, — протянула она. — Ты же знаешь, какая я до шмоток падкая.

Что падкая, то падкая. До шмоток, брюликов и прочей неодушевленной блескучей мишуры. Да я и не поверю, что она заскочила ко мне, чтобы узнать о моем душевном состоянии. Вот шмотки — это да. Это повод, чтобы навестить старую знакомую.

— Пойдем, пофорсишь.

Я поднялась с кресла, и мы отправились в спальню.

Элизабет придирчиво осмотрела каждую вещь, привезенную из Швейцарии. Мало того, она начала все на себя примерять и красоваться возле зеркала, словно я для нее тащила все это из-за границы. Ну, а потом безапелляционно заявила:

— В общем сейчас в Ирландском доме получше тряпки.

В этом вся Элизабет. Посмотреть и обхаять. Потому что это не у нее.

Она вновь глянула на свои ручные часики и удивленно приподняла брови.

— Смотри-ка, час прошел, а я и не заметила. Ну, подружка, не пропадай.

Она двинулась в прихожую, быстренько натянула сапожки, набросила дубленку, перекинула через плечо сумочку и, словно прощаясь навек, обняла меня:

— Звони. Завтра с утра я свободна. Так что...

Затем заговорщицки подмигнула и принялась открывать дверь.

— Чао, — еще раз попрощалась она уже на лестничной площадке, влезая в подъехавший лифт.

Я махнула ей рукой и закрыла дверь.

После визита этой тараторки неожиданно разболелась голова.

Я прошла в гостиную, осушила недопитый бокал мартини и уставилась на журнальный столик. Листок лежал на том месте, где его оставила болтливая гостья. Я механически протянула руку, расправила его и вновь принялась читать уже знакомый мне текст. Слова как гвозди вбивались в мой мозг, словно тот, кто их писал, знал все мои горести. Мне предлагали отыскать то, что я безуспешно пыталась найти в течение целого года после смерти Эрика. А тут всего лишь месяц.

Я бросила листок на столик и подошла к окну. Я пыталась себя убедить, что все это ерунда. И не стоит внимания. Как и сама визитерша, которая принесла это чертово послание некоей доверительной службы.

Я пыталась просто ни о чем не думать, наблюдая за тем, что происходило за окном. Но подспудно чувствовала, что не устою. И сделаю попытку.

На следующий день на своем «мерседесе» я поехала по указанному адресу. Мысленно я пыталась себя убедить, что заходить не буду, просто посмотрю из машины, что собой представляет эта доверительная служба. Чтобы удовлетворить любопытство, не более. Но, когда я подъехала к тому дому, мое первоначальное убеждение пошатнулось. Раз уж я здесь, то почему бы не зайти? Просто зайти, осмотреться и... Ну, если не понравится, то можно убраться восвояси. Я начала даже клясться самой себе: забегу только на секундочку, только взгляну — и все. Но подспудно сознавала, что, если окажусь в офисе этой чертовой службы, вряд ли тут же обращусь в бегство.

Четырехэтажный жилой дом сталинской архитектуры тянулся почти на квартал.

Я вышла из машины, заперла дверцы «мерседеса», неторопливо застегнула на все пуговицы кожаный плащ, поправила сумочку и все это время подозрительно косилась на четырехэтажное массивное здание. Мне казалось, что за мной уже наблюдают из всех окон. Упрекнув себя за мнительность, я двинулась к дому.

На листке было указано: красная дубовая дверь с торцевой стороны жилого здания. Я припарковалась именно с торцевой. И дверь — красную, мощную — сразу узрела.

Таблички над дверью никакой не было. Я недовольно усмехнулась. Тоже мне фирма, раз нет никаких опознавательных знаков.

Я толкнула дверь и вошла внутрь.

В небольшом фойе за перегородкой сидела пенсионного возраста женщина в очках, которые держались у нее на самом кончике носа. Она читала помятую газету. Честно говоря, я не ожидала увидеть такое убожество. И мне захотелось развернуться, уехать отсюда поскорее.

Но тут пожилая женщина отложила в сторону газету и взглянула на меня поверх очков. И прежде чем я на что-то решилась, она прокаркала беззубым ртом:

— Вам кого?

Я набрала полную грудь воздуха и на одном дыхании произнесла:

— «Кронус».

Я ожидала услышать, что такой организации здесь вовек не было и так далее. Но старушка резким движением руки указала мне на белые двери у противоположной стены.

— Сюда, — коротко пояснила она.

Отступать уже не хотелось. Я сделала несколько шагов, потянула ручку двери на себя и вошла в новое помещение. И тут же затаила дыхание. Невероятный контраст с тем пятачком, откуда я сюда вошла, поразил меня.

Комната была просторная. Вся заставлена тропическими цветами. Тут были и пальмы. Самые настоящие. Окон в этой комнате не было, искусственный свет струился со всех сторон, хотя я и не видела ламп, освещавших этот тропический сад. Лампы были невидимыми.

По комнате разливалась мягкая мелодия. Свирель нежно наполняла помещение своими завораживающими звуками, эти звуки перемешивались с шумом волн, очаровывая посетителя. Ко всему прочему, по помещению разносилось чириканье птиц. У меня было такое ощущение, что птицы находятся на пальмах. Есть от чего растеряться. После улицы с холодным воздухом и грязью на тротуарах оказаться в райском саду — это, я вам скажу, кое-что значит!

Из глубины помещения вынырнула блондинка лет двадцати с ярко накрашенным лицом. Она была ростом с меня, а ее маленькое платьице было настолько коротким, что при ходьбе чуть ли не задиралось до пояса. На черта его вообще было надевать? Так бы и ходила в одних темных колготках.

— Здравствуйте, — приветливо проворковала она, глядя на меня широко открытыми глазами.

Я, не раздумывая, ответила на приветствие.

— Вы к нам? — На ее устах появилась гипнотизирующая улыбка. Вот вышколили! И захочешь — не убежишь.

— Если это «Кронус», то да.

— Это «Кронус». Кто вам порекомендовал нас?

— Э-э, Тома...

Я запнулась. Томкину фамилию я не знала. К тому же та успела заново выйти замуж и скорее всего уже поменяла ее.

— Не трудитесь. — Улыбка по-прежнему завораживающе играла на устах девушки. — Рекламный листок у вас?

Ее глаза призывно заискрились. Я открыла сумочку и достала его.

— Этого достаточно, — произнесла моя собеседница и протянула руку. — Разрешите?

Я отдала ей рекламный листок, и она, сложив его вчетверо, уверенно проговорила:

— Следуйте за мной.

Мы пробрались через райский тропический сад и оказались у другой белой двери.

Девушка открыла ее, но заходить не стала, лишь отошла в сторонку, предлагая мне дальше следовать одной.

— Заходите.

Я усмехнулась, сама не зная чему, и переступила порог новой комнаты. За моей спиной дверь моментально закрылась.

Я остановилась. Новая комната была поменьше прежней, тут стояли стол, вертящееся кресло, пластмассовый стул да длинная офисная стенка. Живая природа осталась за дверью, а здесь сразу повеяло деловой обстановкой. И я несколько огорчилась. Лучше бы эта фирма принимала посетителей в том райском уголке, нежели здесь.

В вертящемся кресле сидел холеного вида мужчина лет сорока и приветливо смотрел на меня.

— Прошу, — тут же произнес он баритоном и указал рукой на стул, стоявший у противоположной стороны стола.

Я секунду в нерешительности потопталась, а затем прошла по комнате и уселась напротив.

— Разрешите представиться. — Мужчина приподнялся и галантно отвесил поклон: — Рябов Валерий Олегович. Исполнительный директор доверительно-психологической службы.

Он был высок, прекрасно сложен, строгий костюм на нем сидел как влитой. И лицо было дружелюбное. Наверняка такой мужик — мечта многих женщин.

— Серова. Мария, — отчеканила я, неподвижно сидя на стуле.

Мужчина вновь поклонился и уселся в кресло.

— Вам что-нибудь уже рассказали о нашей службе?

— Ничего определенного.

— Это понятно. — Он словно ждал такого ответа. — Наша служба себя не афиширует. Вы уже могли это заметить, придя сюда и не увидев ни одной таблички. Главный пропуск к нам — это рекламный листок. Обычно мы выдаем его нашим старым клиентам, которые прошли полный наш курс и добились нужного для себя результата. Эти клиенты получают право рекомендовать нас своим друзьям, которым, по их мнению, нужна наша помощь.

— По всей видимости, у вас не так уж много клиентов, — с некоторым сарказмом произнесла я.

— Ошибаетесь, — улыбнулся Рябов. — Очень много. Зато мы можем полностью быть уверены, что к нам придет не просто праздношатающийся или человек, испытывающий нездоровое любопытство, а именно тот, кому на самом деле нужна наша помощь. Вам ведь нужна помощь?

— Смотря что подразумевать под помощью.

— Я не верю, что наш клиент передал листок человеку, у которого нет проблем. Вы ведь не такой человек?

— Не такой, — сдалась я. — Хотя проблемы наверняка есть у каждого.

— Согласен. — Улыбка не сходила с лица Рябова. Мне показалось, что здесь все только и делают, что улыбаются. — Но к нам идут не с простыми проблемами.

Я ничего не ответила.

— Ну ладно, — снисходительно промолвил мужчина. — Не будем больше об этом. Скажите мне только одно: что вас на данный момент тяготит? В нескольких словах. Этого будет достаточно.

— Я не знаю, как мне дальше жить, — я прямо выплюнула эту фразу ему в лицо. Но мужчина, кроме улыбки, никак не отреагировал.

Он раскрыл папку, лежавшую на столе, и протянул мне мелованный лист бумаги.

— Мы не боги, но обещаем, что по истечении месяца вы будете смотреть на мир другими глазами, вы будете знать свое место под солнцем, знать, что вам нужно, будете уверенной в себе, к вам вернется желание жить.

— Многообещающе, — съязвила я, по-прежнему не очень веря во все эти волшебные подарки.

— Сейчас вы можете, конечно, относиться к нам с недоверием, но позже вы поймете, что я говорил правду. Это типовой договор. — Мужчина положил передо мной листок мелованной бумаги. — Здесь говорится о том, что наша фирма и вы заключили договор на услуги психологического характера и вы обещаете никогда и никому не разглашать наших методов работы. Вас предупредили, что первоначальный взнос — триста долларов?

— Да, — подтвердила я.

— По истечении месяца вы платите еще столько же. Если мы с вами не достигаем желаемого, деньги вам полностью возвращают. Вас это устраивает? Тогда проставьте ваши паспортные данные, подпишитесь, и все.

Поколебавшись немного, я поставила свою подпись, лишь бегло пробежавшись глазами по тексту.

— В двух экземплярах, — добавил он и подсунул мне еще один листок. — Может, вы все же внимательно прочтете, что подписываете?

— Зачем? У вас же служба доверия.

Улыбка Рябова стала еще шире. Я расписалась. Все. Обратного пути нет. Семь бед, как говорится, — один ответ.

Рябов спрятал один экземпляр договора в папку, второй отдал мне.

— Ну вот. Формальности утрясли. А теперь вы встретитесь с нашим психологом, который проведет с вами тест. После чего мы вновь встретимся.

Рябов встал, прошел к белой двери, расположенной справа от единственного в комнате окна, раскрыл ее и взмахнул рукой:

— Прошу.

Я встала. Кажется, я уже начала привыкать, что меня посылают из одного кабинета в другой.

— Затем сразу же возвращайтесь сюда, — напомнил он мне, едва я переступила порог следующей комнаты.

Новое помещение представляло собой гибрид двух предыдущих. Оно было заполнено цветами и пальмами, правда, не было слышно пения птиц, шума прибоя и музыки. И среди этой зелени прямо по центру располагался стол, на котором стояла неизвестная мне аппаратура; с обеих сторон этого стола стояли два одинаковых высоких кресла. В одном из них сидела симпатичная девушка в белом халате. Ей можно было дать лет тридцать, не больше. Она сосредоточенно крутила рычажки на приборе размером с микроволновую печь.

При виде меня у очередной служащей фирмы появилась традиционная улыбка. Им нужно было повесить на дверь плакат: «Наш девиз — улыбаться. Даже если клиенту грустно».

— Садитесь.

Я быстро устроилась напротив девушки.

— Меня зовут Екатерина, — сообщила она. — Сейчас мы с вами проведем небольшой тест. Это поможет нам наметить дальнейшую линию работы с вами.

Она вышла из-за стола и подошла ко мне.

— Расслабьтесь, — попросила она.

Я ничего не ответила, потому как была не слишком напряжена.

Девушка прикрепила резиновой эластичной лентой микродатчики к моим рукам.

— Не обращайте на эти штуки внимания, — попросила она.

Я опять ничего не ответила. Хотя как тут не обращать внимания, когда эти маленькие датчики у тебя на руке.

Девушка вернулась в свое кресло.

— А теперь я попрошу отвечать на мои вопросы как можно короче. Иногда вопросы могут показаться вам несуразными, но вы не терзайтесь, просто отвечайте, и все. Договорились?

— Задавайте, — вежливо согласилась я.

И тут началось.

— Ваши фамилия, имя, отчество?

— Серова Мария Константиновна.

— Где вы родились?

— Москвичка.

— Вы любите бывать в лесу?

— Да.

— На море?

— Да.

— В горах вы бывали?

— Да.

— А где вам больше нравится: в горах или на море?

— В горах.

— Где вы были в горах?

— В Швейцарии.

— Вы обеспечены?

— Да.

— Как вы любите расплачиваться: кредитками, снимаете сами со своего счета или наличными?

— Снимаю со своего счета, наличными и кредитками. Я все люблю. Послушайте...

— Какое у вас образование?

— Среднее.

— Вы замужем?

— Была.

— Разведены?

— Муж умер.

— Несчастный случай, по болезни или иное?

— Инфаркт сердца. Неожиданно.

— Вы любили мужа?

— Очень.

— Давно он умер?

— Год назад.

— Вы имели после него контакты с другими мужчинами?

— Нет.

— У вас есть подруги?

— Настоящих — нет.

— Вы боитесь темноты?

— Нет.

— Замкнутого пространства?

— Да.

Дальше началось полное сумасшествие. Моя собеседница, наверное, решила выяснить все, чего я могу бояться. Она спрашивала о боязни открытого пространства, о боязни пьяных мужчин, о боязни некоторых видов животных, а также высоты и ряда неодушевленных предметов. В конце концов в голове у меня воцарился хаос.

— Вы любите детей? — нашла она новую тему.

— Да.

— У вас они есть?

— Нет.

— Если бы вам предложили поменять все, что вы имеете, на любящего мужа и детей, вы согласились бы?

— Да. Только....

— Вас легко вывести из себя?

— И да, и нет.

— Конкретнее.

— Ответ тот же.

— Вы часто ездите за границу?

— Думаю, что да.

— Хотите покинуть эту страну?

— Не знаю.

— Когда возникают трудности, вы их сами преодолеваете или обращаетесь за помощью?

— Теперь сама.

— Что значит — теперь?

— Когда был жив муж — просила его.

— Если бы вы начали жить заново, хотели бы вы что-либо изменить?

— Не знаю.

— Конкретнее.

— Не знаю.

— У вас не возникало желания покончить с собой?

— Я была близка к этому.

— Вы предпочитаете бороться или отойти в сторону?

— Не знаю.

— И все же?

— Не знаю. Послушайте...

— Если вы попадете в переплет, у вас есть к кому обратиться?

— Я уже отвечала. Нет. Только сама.

— У вас сейчас есть что-то или кто-то, ради чего или ради кого вы готовы были бы пожертвовать своей жизнью?

— Нет.

— Но очень дорогое или дорогой?

— Нет.

Мне казалось, что вопросам не будет конца. Девушка начала расспрашивать о том, что я люблю, затем — что ненавижу, а потом интересовалась всякой, как мне казалось, ничего не значащей чушью типа выеду ли я на машине в дождь или пойду ли другим путем, если дорогу мне перейдет черная кошка? Все в таком духе.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем девушка вновь улыбнулась мне своей фирменной улыбкой.

— Ну вот и все. Большое спасибо. Можете возвращаться.

— И что дальше? — Я поднялась с кресла и едва не оборвала проводки, совсем забыв о них.

— Ой, извините! — тут же встрепенулась моя собеседница и тоже вскочила с кресла. Она подошла ко мне, отстегнула датчики и вновь вернулась на свое место.

— Так что дальше? — повторила я свой вопрос, массируя кисти рук.

— Вам все скажут, — пообещала она.

Я не стала настаивать и вернулась в комнату, где меня дожидался Рябов. Он поднялся из-за стола и подошел ко мне.

— Надеюсь, мы не слишком вас утомили?

— Как сказать... — Я была выжата как лимон.

— Сейчас мы обработаем полученную информацию и начнем работать.

— Неужели мне надо будет каждый день ездить к вам? — Эта перспектива меня почему-то не радовала.

— Нет. Больше вам сюда не придется приезжать.

— То есть?

— Наши методы не совсем обычны. Наш клиент продолжает жить так, как он жил до этого. Но в отдельные моменты, в самое разное время, мы этот привычный уклад меняем.

— Как? — Я чуть не подскочила на месте.

— О! Об этом мы не говорим. В этом-то и заключается наш метод. Неизвестность. Прекрасное слово, не правда ли? Таинственное. В нем основа.

— И все же?

— Вы все узнаете в свое время. Не нужно забегать вперед. Иначе мы не сможем добиться необходимого результата. У нас с вами целый месяц впереди.

Улыбка на его устах стала какой-то блаженной. Мне даже показалось, что он сейчас растает. Но нет, таять мужчина не собирался. Он моментально встрепенулся и попытался подбодрить меня:

— Ну вот и все. Теперь осталась маленькая формальность. Аванс — триста долларов.

Я открыла сумочку, достала деньги и вручила Рябову. Тот взял их, вытащил из ящика стола книжечку с подшитыми квитанциями, что-то черканул там, оторвал корешок и протянул его мне.

— Держите. Это квитанция об уплате. А теперь, пожалуйста, распишитесь вот здесь.

Я расписалась на оставшейся в книжечке части квитанции.

— Ну, вот и все. До встречи.

Я покинула комнату, в сопровождении блондинки прошла через райские кущи и вышла в фойе, где бабуля продолжала читать помятую газету и, как мне показалось, ту же страницу, что и в тот момент, когда я пришла сюда.

Оказавшись на улице, я глубоко вдохнула свежий воздух и почувствовала усталость, словно простояла целый день у станка.

Забравшись в свой «мерседес», я первым делом отправилась в кафе-бар, где заказала слабенький коктейль. Но посидеть и спокойно потянуть его мне не пришлось. Тут же к моему столику подошел черноусый мужчина и зашептал мне в самое ухо:

— Слушай, дэвушка. Для тэбя: шампанское, икра, цвэты, дэньги. Что желаеш.

— А для тэбя, — передразнила я его, — пошел на... В общем, сам знаешь.

Я поднялась, не допив коктейль, и двинулась к выходу...

— Зачэм так, дэвушка? — донеслось из-за спины.

Но я оставила эту реплику без ответа.

Я больше не стала никуда заезжать, а отправилась прямиком домой, где, завалившись на кровать, тут же заснула. И проспала до самого утра. Спокойным сном. Как будто мне не о чем было подумать и ничего не произошло.

Проснувшись, я несколько минут нежилась в постели. То, что вчера я побывала в некоей службе доверия, воспринималось сейчас как какой-то сон, как нечто нереальное. Я скосила глаза на столик и увидела бумагу. То был экземпляр договора, который оставили мне; рядом лежал корешок квитанции. Нет, все же это был не сон. Но поразмыслить обо всем мне не удалось. В дверь позвонили. Я накинула халат и двинулась в прихожую.

На пороге в форменной одежде почтового служащего стоял среднего возраста мужчина.

— Вам посылка, — мрачно заявил он.

— Мне? — Я ничего не понимала.

— Вам. Распишитесь.

Я расписалась на протянутом мне клочке бумаги и спросила:

— А от кого?

— Там указано, — бросил мрачный мужчина, удаляясь.

Я заперла дверь и прошла в комнату. На крышке картонной коробки стоял мой адрес, и только. Я почувствовала, что мне становится нехорошо. Раньше я бы бросилась к Эрику, и он бы как мужчина разрешил эту ситуацию. Но теперь?

Я пошла на кухню, взяла там топорик и с его помощью сняла крышку с посылки.

Мои дурные предчувствия подтвердились. На дне картонной коробки лежали два ключа на стальном кольце и что-то завернутое в тряпку.

Я достала это нечто, развернула тряпку и чуть не упала — ноги мои подкосились.

В тряпку был завернут пистолет с глушителем. Матовая сталь притягивала к себе и внушала ужас. Я отодвинула оружие подальше от себя и вновь заглянула в чрево коробки. На самом дне лежал квадратный картонный листок. На нем было написано одно-единственное слово: «Кронус».

—----------

Понравилось начало истории? Добавляйте книгу в «Избранное» и ставьте оценку — это очень помогает книге находить новых читателей!

Если не хотите ждать выхода новых глав и любите остросюжетные криминальные триллеры, заглядывайте на мою страницу автора здесь, на Литрес — там вас уже ждет моя законченная трилогия «Виртуоз».